

Властители и судьи в русской драме первой половины XIX века

А ты кто, который судишь другого?

Иак. 4, 12

Понятие «суд» в значении осуждение, критическая оценка, вынесение морального или юридического приговора является своего рода сверхуниверсалией в русской культуре, свидетельствуя об исконной народной жажде Правды и Справедливости, как впрочем, и о неистребимой человеческой потребности утверждать свою правду в противовес правде чужой. Роль аксиологического аспекта в славянском сознании чрезвычайно велика, и даже религиозные заповеди неосуждения не могли воспрепятствовать установке на критическую оценку мира, общества, человека. Более того, значимость мотивов суда в Священном писании оказала стимулирующее воздействие на другие формы общественного сознания, формирующиеся с доминантой на суд.

Нерасторжимость суда и власти акцентируется в державинском стихотворном переложении 81-ого псалма: суд вершится теми, кто реализует свои претензии на власть. К «Властителям и судиям» обращена духовная ода Г.Р.Державина, в которой получает лирическое развитие библейская тема неправедного и лицемерного суда. Обличая земных властителей и судий, Державин в соответствии с библейским первоисточником напоминает о неизбежности Высшего Суда и грядущем торжестве справедливости.

Этот комплекс идей сохраняется и в произведениях, в которых тема суда над судьями («А судьи кто?») находит драматическое воплощение. Содержанием трех вершинных произведений русской драматургии первой половины 19-ого века – «Горе от ума», «Борис Годунов», «Ревизор» - является драматическое противостояние персонажей, которые вольно (или невольно, как в «Ревизоре» Хлестаков) присвоили себе право судить, но не соответствующую им роль, на которую претендуют. Таким образом, библейская тема неправедных земных судей в русской драме указанного периода времени представлена как тема самозванства, что свидетельствует, как представляется, о состоянии художественного сознания в данную эпоху. Здесь имеет место не просто тематическое совпадение: пьесам, разным по пафосу, материалу, жанровой характеристике, пространственным, временным реалиям и т.д., присуще определенное символическое и образное единство. По-видимому, немалую роль в актуализации темы суда как самозванства сыграли исторические обстоятельства, требующие принципиальной оценки перспектив общественного развития и роли субъективного фактора в истории.

Существенные моменты сходства образа мира, созидаемого Грибоедовым, Пушкиным и Гоголем в их пьесах, вызваны одной моделью

конфликта, которая структурирует материал реальности по принципам формирующегося реалистического метода. Составляющей едва ли не любого конфликта является негативная оценка оппонента, осуждение его системы ценностей, высказываний, действий, поступков или личности в целом. В классицистской поэтике художественная функция «судьи» - вынесение окончательного приговора по конфликтной ситуации, чем, собственно, и разрешается конфликт. В реалистических произведениях конфликт порождается установкой персонажа на суд над негативно воспринимаемым антагонистом. Так, конфликт комедии Грибоедова «Горе от ума» мотивируется реакцией персонажей на личность тех, кто их осуждает. «А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить, / Угодно ль на себе примерить?» [1, д. III, явл. 14], - объясняется возникновение сплетни о сумасшествии Чацкого. Завязкой конфликта драмы Пушкина «Борис Годунов» является решение Гришки Отрепьева стать орудием наказания Бориса за свершенное им преступление. «И не уйдешь ты от суда мирского, / Как не уйдешь от Божьего суда» [2, с.231], - такими словами оправдывает Самозванец свою авантюру. Известием о приезде ревизора, должного вершить суд, начинается комедия Гоголя.

В классицистском произведении, представляющем «правильную» картину противостояния добра и зла, герои делятся на правых и виновных, на тех, кто судит, и тех, кого судят. Ср. евангельский текст о разделении грешных и праведных (Мф. 25: 31-46), выражающий идею Божественного правосудия, повествует о том, что праведники направляются одесную Господа, а грешники – ошуюю. В реалистическом произведении авторский суд не часто свершается с такой безапелляционной определенностью. Писатели-реалисты видят мир значительно более однородным, чем их предшественники. Между условно говоря судьями и подсудимыми обнаруживается связь, неощутимая для персонажей, но открывающаяся непредвзятому читателю. Русские писатели прозревают, что осуждение обращается нередко на человека, родственного по мироощущению, по доминирующим страстям.

В пьесе Грибоедова, связь которого с классицистской традицией наиболее ощутима, наличие общего для всех героев, включая и Чацкого, «отпечатка» («На всех московских есть особый отпечаток» - 1, д. II, явл. 5) может быть воспринято как несоответствие замыслу автора. Тем не менее Чацкий, зовущий к высоким идеалам и бичующий пороки света («Ваш век бранил я беспощадно», - 1, д. II, явл. 2), изображается опасно близким к светским сплетникам, которые перемывают косточки ближним: «Вот вас бы с тетушкою свести, / Чтоб всех знакомых перечести» [1, д. I, явл. 7]. Рисуя злоречие общества, судящего всех и вся («У нас ругают везде» - 1, д. II, явл. 9), Грибоедов показывает в Чацком то, что сближает его с миром, который он обличает: «Он славно пересмеять умеет всех» [1, д. I, явл. 5].

В пьесе Пушкина оба антагониста (и Борис Годунов и Григорий Отрепьев) представлены как самозванцы, идущие к трону путем преступления. Более того, другие персонажи готовы увидеть себя на том же пути и объясняют свое бездействие только недостатком смелости: «Он смел, вот всё – а мы...» [2, с.270].

В комедии Гоголя утверждается полная однородность порочного мира, отсутствие принципиальных различий между нравственным обликом «ревизора» и ревизуемых. Персонажам «Ревизора» требуется уже не нравственный, а уголовный суд, поэтому в списке действующих лиц появляется судья с говорящей фамилией Ляпкин-Тяпкин. Примечательно, что Гоголь делает судью безбожником, красующимся своим умом. Крайняя степень нравственного упадка общества, абсолютное торжество беззакония выявляются в том, что функционирование суда как государственного учреждения и как общественного мнения в Городе фактически сведено к нулю. Должность судьи в глазах всех чиновников, включая самого Ляпкина-Тяпкина, не предполагает функции судить. Библейский принцип «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7,1), как оказалось, может быть «реализован» в мире, где религия и нравственность полностью вытеснены из сознания. Правовая жизнь Города регулируется нормами распределения имеющихся благ в соответствии с чином. Достаточно соизмерять получаемую взятку со своей должностью («Не по чину берешь» - 3, д.1, явл. IV), чтобы соответствовать ожиданиям общества и требованиям «правосудия».

В подчеркнуто однородном гоголевском мире, закосневшем во зле, угроза держимордовскому порядку может придти только извне. Ревизор, творящий истинный суд и разоблачающий судей неистинных («А подать сюда Ляпкина-Тяпкина» - 3, д. 1, явл.1) должен явиться с решающей очистительной миссией.

Различие между пьесами видится нам прежде всего в том, чем именно объединяют конфликтующих персонажей авторы, какого рода общность представляется наиболее значимой для Грибоедова, Пушкина, Гоголя.

Чацкого и персонажей, с которыми он не хотел бы иметь ничего общего, как и автора бессмертной комедии, объединяет их пиетет перед умом как «высшим мериллом всех поступков своих и чужих»: «Так называемый рационализм Грибоедова (...) имел для него значение решающего нравственного критерия» [4, с.266]. Персонажи выносят друг другу приговор с позиций почти исключительно рационалистических. В комедии А.С. Грибоедова ум, понимаемый христианской традицией как способность отличать добро от зла, используется «судьями» для обличения друг друга, неприятия чужих ценностей и идей. При всем несходстве образа мыслей конфликтующих героев все они объединяются образом несогласия, под знаком которого происходит их общение. Активность

персонажей направлена преимущественно вовне – на улучшение быта или социального строя. Внутреннее устройство собственной души остается за пределами их суда. Соответственно погружения в ту духовную глубину, где происходит встреча с Совестью, с Богом, то есть, с народной точки зрения, Высшим судом, не происходит. Вертикаль «человек - Бог» не входит в поле зрения Чацкого, как и остальных героев, в своих суждениях довольствующихся собственным умом. *Над* персонажами «Горя от ума» нет судей: «над ними нет судей» [1, д. II, явл. 5]. Ср. у Державина: «Никто над вами не судья» («Властителям и судиям»). В таком случае единственной духовной опорой становится разум, творящий свои кумиры (так, Софья идеализирует Молчалина) или разбивающий чужие идолы (чем занимаются, собственно все главные персонажи пьесы).

На фоне «Горя от ума» особенно ощутимо, что «Борис Годунов» - произведение, открыто ориентированное на христианскую культуру, в которой доминирующим критерием оценок и суждений является нравственно-религиозный. Герои пьесы, даже пытаясь обмануть Бога, помнят о Высшем суде и соизмеряют с ним свои человеческие суждения. При всей несоизмеримости масштабов личностей, разности интересов и нравственных характеристик все персонажи Пушкина различают добро и зло. И Борис Годунов, и Григорий Отрепьев - самозванцы, не имеющие наследственного права на власть и морального права на суд, но совершая грех, они не заблуждаются в оценке своих поступков.

Реалистически изображая расхождение между идеалом и действительностью, Пушкин показывает идеал реальной силой, которой в конечном итоге определяется «судьба человеческая, судьба народная». Важно и то, что показателем приближения к идеалу в драме Пушкина представлена христианская заповедь неосуждения, соответственно которой живут герои, носители народной совести (Пимен, Патриарх, Юродивый).

В «Ревизоре» апелляция к разуму не просто доминирует в системе ценностей персонажей, как в «Горе от ума», а становится единственной. Прагматический ум Фамусова и Молчалина «обогащается» у их интеллектуальных наследников откровенным мошенничеством в духе Репетилова: «Умный человек не может быть не плутом» [1, д. IV, явл. 4]. Осуждается и осмеивается тот, кто позволил себя одурачить. Понятия «совесть», «грех» в этом мире профанируются. Персонажи «Ревизора» боятся не Бога и не человека, а Должности. Гоголь создает не образ человека, должного судить, а неодушевленный образ чина.

Изображение недостойных «судей» в «Горе от ума» и «Борисе Годунове» сменяется в «Ревизоре» изображением персонажей, которые изначально убеждены в несоответствии нравственного облика ожидаемого ревизора его должности. Образ несправедливого судьи вытесняется в пьесе Гоголя образом пустышки, не имеющей собственного содержания. Но если «тьень» Дмитрия в «Борисе Годунове» символизирует действительность

народных представлений о справедливости, то гоголевский вариант «тени» - наглядное свидетельство падения нравов. Тем страшнее типичность образа «мнимого судьи» (М.Вайскопф) Хлестакова: «Я везде, везде» (З, д.3, явл. VI).

В нелепой формуле Городничего об унтер-офицерской жене, которая «сама себя высекла» (З, д.4, явл. XV) таится огромный, почти мистический смысл: человек, страшась лишь земных судей и не знающий страха Божия, сам изнутри несет себе возмездие. Обитатели гоголевского Города закрыты от вечной сущности вещей, а потому беззащитны перед видимостями и призраками мнимых врагов. Отсутствие совести компенсируется пустым страхом, который материализуется и обращается на своего творца: персонажи «Ревизора» сами себя высекли.

Пустые мертвые души, не знающие покаяния, не могут быть спасены земными судьями, души которых так же пусты и мертвы. Пьеса «Ревизор» завершается символически изображенным в немой сцене Страшным судом. Развязкой миражного конфликта Города с мнимым ревизором, Гоголь мог сделать только суд Всевышнего над «земными богами», вслед за Державиным дублируя обличающий 81-ый псалом.

В заключение отметим, что осмысливая тему властителей и судей как тему самозванства, Грибоедов, Пушкин и Гоголь акцентируют те моменты, которые являются репрезентативными для художественной системы каждого автора. Личность как критерий истинности суждения (Грибоедов), Бог как Высший Судья (Пушкин), неодоушевленный образ Чина (Гоголь) – так трансформируется точка отсчета в ходе развития русской драмы первой половины XIX в. В «Горе от ума» критерием истинности суждения является личность «судьи», что побуждает выяснять «А судьи кто?». О каждом из убежденных исключительно в своей правоте антагонистов можно сказать: «Над ними нет судей». В «Борисе Годунове» более или менее ограниченные суждения каждого персонажа, ситуативное «мнение народное» поверяются Божьим судом, праведным и нелицеприятным. В «Ревизоре» нравственный упадок общества ставит под сомнение саму идею человеческого суда. К Страшному суду апеллирует Гоголь, убежденный в порочности современных властителей и судей.

Литература

1. Грибоедов, А.С. Горе от ума / А.С.Грибоедов // Сочинения. М.: Правда, 1985. – С.19 - 144.
2. Пушкин, А.С. Борис Годунов / А.С.Пушкин // Сочинения. М.: ГИХЛ, 1954. – С.267 - 342.
3. Гоголь Н.В. Ревизор / Н.В.Гоголь // Полное собрание сочинений: В XIV т. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. - Т.IV. - С. 5—95.
4. Лебедев, А. Грибоедов. Факты и гипотезы / А.Лебедев. – М.: Искусство, 1980. – 303 с.